

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-12.3vzx-3c65

О. Н. Ноговицин

РУССКИЙ МОДЕРН И ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВА И ПОЛИТИКИ В РОССИИ ОТ РУБЕЖА XIX–XX вв. К СОВРЕМЕННОСТИ

В статье представлен аналитический обзор материалов работы социально-политических секций состоявшейся 25–28 сентября 2019 г. в Санкт-Петербурге Международной научной конференции «Русский логос – 2: Модерн — границы контроля». Показано, что обсуждение на конференции проблематики разнообразных течений русской мысли конца XIX — начала XX вв., в широком смысле — идеологии русского модерна, до сих пор остается эксклюзивной формой актуализации в интеллектуальных практиках проблем современного российского общества. Базовой дилеммой рефлексии этих проблем является смысловая двойственность между логикой революционного требования преобразовать социально-политическую реальность российского государства и консервативной тенденцией, составляющей изнанку революционного праксиса, и, наоборот, между консервативной логикой сохранения основ нормализованного порядка жизни и невозможностью, что особенно характерно для интеллигенции эпохи модерна, выдержать страшное зрелище коренной несправедливости социального порядка. Сопутствующая сознанию этой двойственности проблема самой возможности осмысленного праксиса, способного вывести по ту сторону от означенной дилеммы, как собственная проблема всякого модернистского сознания, выражает теоретическую и практическую суть данного конфликта.

Ключевые слова: русский модерн, марксизм, родовая сущность человека, русская революция, мессианизм, консерватизм, народничество, консервативный либерализм, анархизм, космическое хозяйство.

NOGOVITSIN OLEG N.

THE RUSSIAN MODERN AND PROBLEMS OF SOCIETY AND POLITICS IN RUSSIA FROM THE TURN TO THE XIX–XX CENTURIES TO THE PRESENT

Исследование разнообразных импликаций модернистской мысли является едва ли не ведущей темой современных гуманитарных

и общественных наук. Идея перманентной актуализации понятия «современности», положенная эпохой модерна как ведущая для общественного и индивидуального сознания задача, руководит всяким актуальным порядком мышления во всех его разнообразных дисциплинарных полях и социальных практиках. Русский модерн в этой связи выражает едва ли не самый радикальный опыт по преобразованию человеческого образа мысли и общественной организации. И эта задача до настоящего времени отражает форму существования российского общества, для которого во всех его стратах — и власти, и общественности — запрос на идейное обоснование и реформирование общественных практик, на такую экспликацию внутреннего основания социальной жизни, которая способна явственно выразить особую, универсально значимую форму опыта русского народа, является ведущей тенденцией и наиболее актуальной задачей. Исследованию исторического опыта русского модерна была посвящена прошедшая 25–28 сентября 2019 г. в Санкт-Петербурге Международная научная конференция «Русский логос – 2: Модерн — границы контроля», ставшая второй в рамках начатого в 2017 г. проекта «Русский логос». Первая «Русский логос: горизонты осмысления» состоялась два года назад в Санкт-Петербурге 25–28 сентября 2017 г. Организаторами конференции 2019 г. выступили: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург), Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (Санкт-Петербург), Русская христианская гуманитарная академия (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого, Международный центр изучения русской философии, «Международный Фонд поддержки социогуманитарных исследований и образовательных программ». Состоялось большое городское мероприятие на площадках нескольких университетов и академических институтов Санкт-Петербурга, в котором приняли участие 270 докладчиков из научных центров и регионов России (от Калининграда до Владивостока), а также зарубежные исследователи русской мысли. В итоге в конференции и ее организации участвовали ученые из 18 стран (Россия, Украина, Белоруссия, Польша, Чехия, Словакия, Сербия, Австрия, Италия, Франция, Германия, Финляндия, Япония, Великобритания, Узбекистан, Латвия, Австралия, США). В организационный и программный комитеты конференции вошли ведущие российские и зарубежные специалисты по русской философии и истории русской мысли, в том числе в области

исследований русского модерна (Франция, Германия, Италия, Финляндия, Сербия, Польша, Словакия, Япония, Украина).

В рамках конференции проходила работа 13 секций, посвященных разнообразным междисциплинарным исследовательским опытам, непосредственно связанным с проблемным полем изучения и осмысления русского модерна. В их числе были секции: 1. Русская религиозно-философская мысль конца XIX — начала XX вв. — консерватизм или модерн? 2. Русский модерн, его культурные и идеологические импликации: от советской эпохи к современности. 3. Парадоксы русского логоса: модерн — авангард — традиция. 4. Модерн и общественно-политическая мысль в России. 5. Русский марксизм: между теорией и практикой. 6. Многоголосица русского логоса: русский модерн и религиозное сознание. 7. Литература и искусство русского модерна. 8. Искусство русского авангарда и философия — революция в мышлении или мысль о невозможном. 9. Модерн и классика русского кинематографа. 10. Русская логическая мысль и модерн. 11. История высшей школы и философское образование в России: история и современность. 12. Границы понимания современности в русской мысли: геополитика — война — национальное самосознание. 13. Античный праксис и «русский логос»: от истоков — к модерну.

Столь широкий горизонт тем, вынесенных для обсуждения участниками конференции, предоставил пространство для диалога представителям различных дисциплинарных традиций исследования русской мысли и культуры эпохи модерна, и повод к обсуждению возможности и формы рецепции их исторически сложившегося архива в современных философских, религиозных, политических и поэтических практиках. Исторически и жанрово русская мысль принимала многообразные формы выражения и проявляла себя как в виде различных философских течений, в отдельные периоды истории России бравших на себя роль идеологических, общественно-политических движений, так и в виде церковно-религиозного слова и литературно-поэтических опытов выражения. Эта, характерная для русской мысли, особенность, несомненно, связана с ее фундаментальной профетической направленностью, внутренней необходимостью осмысления актуального праксиса социальной жизни в горизонте понимания его как предоставляющего место универсальной возможности осмысленного существования всего человечества в целом. В этом смысле для русских интеллектуалов — как философов и политиков, так и художников и писателей — постановка вопроса о судьбе России всегда имела дополнительный метафизический контекст, перекрывавший ограниченные цели прагматики исторического момента, и не отделялась

в уме от универсалистского расширения горизонта вопрошания до идеи о всемирно-исторической миссии русского народа. Так или иначе, этот вопрос и подобное его понимание, начиная как минимум с XIX в., являлся во многом доминирующим, в том числе и в поле его критики.

В этом обзоре докладов конференции мы ограничимся анализом работы социально-политических секций, заседания которых прошли в стенах Социологического института РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, лишь отчасти привлекая материалы других, и попытаемся выделить доминировавшие на заседаниях темы, представив их в содержательной и аналитической развертке. Это позволит взглянуть на современное состояние умов в интеллектуальном пространстве русской мысли, когда она обращается на саму себя, тем более когда предметом обсуждения становится мысль философов, писателей, художников, общественных деятелей, теоретиков и практиков политики и права столь важного для интеллектуальной истории России периода.

Конференция была посвящена русскому модерну в двух существенных его аспектах: модерну, как особой эпохе истории русской мысли и одновременно самому событию модерна, генеративная сила которого до сих пор будоражит мысль, стремящуюся быть современной, заключая в себе возможность творческого вдохновения и активного поиска в философии, политике и искусстве. Тематическое пространство конференции было задано вопросом о соотношении традиции и того «нового» в мышлении, искусстве, политике, что являет внутренний нерв и создает поле творческого напряжения в исканиях русских философов, писателей, художников, общественных деятелей конца XIX — первой половины XX вв. В этих исканиях сущностная для модерна идея гения, что сам себе ставит границы и тем самым испытывает границы общественного вкуса вплоть до предельной авангардной идеи коллективного революционного творчества масс, нашла свое, вероятно, наиболее радикальное воплощение. Снова обратиться к осмыслению этого опыта — такова была задача, которую участники проекта решали на разнообразном материале, философии, литературы, искусства, политики, культовых практик религии и ее отрицания, в широком тематическом поле исследований перехода от дореволюционных модернистских моделей мысли к революционным и постреволюционным («золотое десятилетие» — 1920-е гг.), включая опыты «нового мышления» и «новой поэзии» уже в рамках реализованной тотальности советского государства (1930–1940-е гг.). Данные временные рамки только условно очерчивали тематическое поле конференции или, скорее, являлись точкой отсчета для актуализации и прояснения современных проблем

российского общества, государства, социальной и политической жизни, даже если речь шла о докладах в классическом жанре исторического — философского, литературоведческого, социолого-политического или религиоведческого — исследования¹. Содержание выступлений, сделанных на конференции, и их обсуждение свидетельствуют о том, что модерн — не просто уже исторически пройденная веха на пути развития самосознания российского общества, напротив, остается впечатление, что его цели не только не достигнуты, но и не разоблачены в качестве иллюзий, которые уже невозможно питать без стыда быть уличенным в наивности. Сама идея претупания границ сложившегося порядка, обновления самого существа жизни и моделей смыслополагания по ту сторону от устоявшихся социальных практик и форм общественного вкуса, как минимум их радикального преобразования, презумпция ее невинности, остается действенной формой актуализации исторического содержания русской мысли. Достаточно указать уже на то, что, скажем, секция конференции, посвященная авангардному искусству («Искусство русского авангарда и философия — революция в мышлении или мысль о невозможном») была едва ли не наполовину наполнена докладами о Казимире Малевиче, с его радикальной идеей деструкции классического искусства, как реалистического, так и пост-реалистического, непосредственно связанной с религиозным адогматизмом художественных и теоретических работ Малевича, почти перверсивным смещением творческого опыта (равного самой «жизни») в апофатический контекст посюсторонней мистики чистой формы и абсолютизации ничем не замутненной простоты мистической цветовой тональности.

Так понятной идее осуществления художественного опыта в социально-политических импликациях истории русского модерна тематически соответствует марксистская идея революционного обновления человека, заданная существом самого исторического процесса, в ходе которого шелуха старого мира, как «кожаные одежды», которыми наградил Господь Адама и Еву после их грехопадения, должна спастись, обнажив «осмысленную» и «думающую» плоть нового, «человеческого» в собственном смысле этого слова мира. Упразднить ветхое и древнее здесь означает также достичь невинности деятельности, в которой полная взаимопроницаемость «братского» сознания наконец совпадет со справедливостью воздаяния тем, кто сопротивляется непосредственности коллективного явления чистоты «родовой сущности» человека, уже не стесненного оковами экономической эксплуатации

¹ Материалы конференции опубликованы в издании: Русский логос – 2: Модерн — границы контроля. Материалы международной философской конференции, Санкт-Петербург, 25–28 сентября 2019 г. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019.

возможностей тела и идеологическими цепями, опутавшими теперь, в революционном действии, потенциально раскрепощенный ум эксплуатируемого класса.

Замечательно в этой связи то, что обсуждение на секции, посвященной понятию модерна в марксизме («Русский марксизм: между теорией и практикой»), в отличие от заседаний марксистской секции на «Русском логосе» 2017 г., где доминировала тематика изучения послевоенного советского марксизма, было сосредоточено на слабо исследованной в историографии марксизма проблематике «богостроительства», а также смежных ей темах. При этом идеи «богостроителей» рассматривались сквозь призму вопроса о существовании формирования идеи «народа», в качестве субъекта революционного действия, замещающего собой трансцендентную инстанцию божественного, воплощенную в санкционированном господствующим классом общественном порядке и религиозной презумпции истинности ветхозаветного Закона, и таким образом исполняющего, возведенный пришествием Христа, новый завет освобожденного человечества. Двусмысленность этой идеи рассматривалась докладчиками с разных сторон: примата в русском «богостроительстве» по сравнению с богоборческими идеями Фейербаха и Ницше идеи коллективности субъекта революционного действия, русского «народа» как лика «Христа», несущего освобождение народу вообще в его универсальной всечеловеческой сущности (И. С. Коковин); теоретических оснований такого понятия у «вождей» движения богостроителей А. Богданова, А. Горького, В. Базарова и А. Луначарского (О. М. Бабкова); специфического опыта «завуалированного» возрождения и практического претворения идеи «богостроительства» как способа эстетического преобразования человеческого сознания и чувственности, через «пропаганду» нового образа жизни в культовых мероприятиях и культурной политике постреволюционного советского государства, несмотря на тотальную критику богостроительства В. И. Лениным в его «Материализме и эмпириокритицизме» и публичное раскаяние руководителей движения в своих оппортунистических взглядах (Акафучи Рисако). Луначарский, возглавлявший многие годы Наркомпрос, по сути реанимировал идеи богостроительства именно в контексте «консервативной» революции, через организацию культуры общества «советского» образца, сформировавшей культурно-идеологические скрепы, на многие годы определившие повседневные практики жизни советского государства. Этот специфический паралакс между мессианским истоком идеи богостроителей и его консервативной сущностью обсуждался в докладе О. Н. Ноговицина, в котором были прослежены общие черты между революционным мессианизмом богостроительства

и консервативным антимессианизмом В. В. Розанова. Важнейшая из них — понимание первого пришествия Христа, и соответственно для богостроителей — миссии пролетариата как воплощения идеи второго пришествия в качестве необходимого providentialного акта, наподобие закона природы, ниспровергающего ветхозаветный Закон (богостроители), — акта, который оказывается всего лишь способом реализации жестокого пророчества о необходимости соблюдения Закона и последующих вслед отказу от требования его блости божьих кар (В. В. Розанов). Богостроители лишь бессознательно желают взять «карающий меч» революции в свои руки, отделив годный для торжества новой пролетарской культуры «человеческий материал» от негодного. С этой точки зрения критика идеологии богостроителей Лениным есть радикальное практическое требование отказа от того, чтобы быть сопричастным описанной ресентиментальной логике пропагандистов и охранителей еще не установленного нового порядка, подрывающей возможности свободного акта революционного действия, не скованного идеологическими формами буржуазного сознания. Специфическому пониманию Лениным гегельянской диалектики, как философской формы материализма, в противоположность ограниченному рецепцией фейербахианского понятия гегелевской диалектики, как модели идеалистического отчуждения человеческой сущности в идее Бога, у Маркса (особенного раннего) был посвящен доклад И. А. Протопопова. Как таковое ленинское требование полной материализации человеческого сознания означает единственный способ актуализации родовой сущности человека в революционном действии, преодолевающей любую форму ее отчуждения. Существо этой негативности заключено в самой природе, ее бесчеловечной, т. е. лишаящей человека любого рода иллюзорных форм самооправдания (в этике, религии, политической целесообразности), сущности, и именно эта точка зрения открывает возможность для подлинного единства мысли и деятельности.

Описанные идеи, обсуждавшиеся в связи с тематикой богостроительства, с разной степенью отчетливости были эксплицированы и в других докладах секции. Эволюции взглядов Ленина на гегелевскую диалектику от ее понимания на основе вульгарного переворачивания Фейербахом к реабилитации, как в сущности квази-идеалистического варианта марксистского материализма времен «Капитала», был посвящен доклад Е. В. Мареевой. Консервативная в марксистско-ленинском смысле критика практики большевистской революции в меньшевистских эмигрантских кругах рассматривалась Л. Н. Лисенковой. Двусмысленность мессианской направленности и на революционный разрыв со старым миром, и на культурный

консерватизм народничества деятелей философии русского религиозного Ренессанса обсуждалась И. В. Деминым. Доклады были посвящены также теоретическим истокам идей прародителя богостроителей Богданова в «махистском» эмпириокритицизме (А. Е. Рыбас); противоположности между физиологическим и психическим слоями конституции человека как двойной основе исследования конкретных механизмов формирования классового сознания личности в работах ученика И. П. Павлова, марксистского психофизиолога В. С. Дерябина (С. В. Орлов); дилемме революционного и консервативного в русском марксизме у Ленина и Сталина (Н. Г. Волик), в экономической теории и практике социализма (И. И. Дерен), в логиках марксистского преломления идеи «народности» искусства в советской культурной политике между революцией и Второй мировой войной (Т. В. Кузнецова). В свою очередь М. Д. Рахманинова сделала доклад о русском анархизме, как попытке выхода из апории выбора между путями следования идеалам консервативной народности, чреватой «русским бунтом» без ясной конструктивной цели и формы ее осознания, и просвещенческими моделями революционного мессианизма в поле революционного, разрушительного для основ старого мира и одновременно созидательного, коллективного действия.

Смысловая двойственность между логикой революционного требования преобразовать социально-политическую реальность российского государства и консервативной тенденцией, как бы «вшитой» в саму сущность революционного праксиса, и, наоборот, между консервативной логикой сохранения основ нормализованного порядка жизни «до последнего» и невозможностью, что особенно характерно для интеллигенции эпохи модерна, да и русской интеллигенции вообще, выдержать страшное зрелище коренной несправедливости социального порядка, жестокости самих устоев русской жизни, и сопутствующая сознанию этой двойственности проблема самой возможности осмысленного праксиса, способного вывести по ту сторону от означенной дилеммы, в целом характерна для модернистского сознания. Важно, однако, и то, что сам выбор тем участниками конференции ее актуализировал, даже неожиданным образом. Заседания двух других социально-политических секций, «Модерн и общественно-политическая мысль в России» и «Границы понимания современности в русской мысли: геополитика — война — национальное самосознание», фактически составивших одну обширную дискуссионную площадку, по сути также были посвящены рефлексии этой сложной противоположности. Даже отвлеченные историографические и методологические темы так или иначе ее касались. Например, в докладе Н. Г. Баранец и А. Б. Веревкина,

посвященном одной из концепций методологии истории первой трети XX в., а именно — историологии Н. А. Морозова — революционера и ученого-естествоиспытателя, была тематизирована проблема инертности методологической практики научного сообщества историков как в царское и советское время, так и до сих пор не способных оценить действенность применения дедуктивно-гипотетических моделей историописания. Или другой пример — доклад Г. Е. Аляева, в котором на основе архивных материалов восстанавливается история не доведенного до реализации плана написания С. Л. Франком книги по социальной психологии: автор рассмотрел проблему переходного периода в творчестве замечательного русского философа от социального марксизма и психологизма к, в сущности, консервативным идеям прояснения духовно-религиозных основ общественной жизни, обнаруживая ясные следы таких идеологических установок уже в материалах этой сохранившейся лишь в черновиках работы.

Возвращение к истокам равно реанимации идеи экстремального социального творчества, как показывает опыт русского философа *par excellence* — Владимира Соловьева. Бескомпромиссной критике его учения о «всемирной теократии», «возвращения к вере праотцов», и проекта объединения православной и католической церковей, которой оно подверглось со стороны едва ли не всех лагерей политического спектра России, был посвящен доклад А. Ю. Бердниковой. Неважно, что полагается в основание — аутентичное первоначальному понятие о вере или исторически неизбежное торжество изначальной родовой сущности человека, как в марксизме, — всякий раз мы имеем дело с отчетливо осознаваемой в рамках нормализованного порядка социальности претензией на революционное переустройство общественной жизни. Русская революция и ее идеолого-политическая оценка современниками была непосредственной темой нескольких докладов (В. А. Бойко, С. А. Гашков) и отчетливо тематизировалась в большинстве других.

Едва ли не половина докладов обсуждаемых секций была посвящена проблематике «народности» и «национального самосознания». Эта проблематика также рассматривалась в контексте понимания различными русскими мыслителями эпохи модерна «русской идеи», тех специфических черт коллективного самосознания русского народа, которые определяют его судьбу и значение в контексте всеобщей истории мира (В. А. Бойко, С. Г. Гутова, С. В. Кардинская, Е. К. Краснухина, И. В. Лихоманов, О. В. Маркина, О. Д. Маслобоева, М. Г. Назарова, Т. Н. Седых). При этом центром обсуждения в этих докладах оставалась проблема двойственности русской национальной идентичности, в которой соседствуют как революционизирующая мысль

идея возвращения к истоку национального духа, который, будучи как таковой всеобщим, открывается в кризисные моменты существования нации, так и женственная жажда «спасения» себя и всего человечества. Последняя воплощается в разнообразных «катехизисах», рецептах «правильного» и спасительного «домоустройства», что сводятся обычно либо к практикам традиционного «общинного» хозяйствования, либо берутся из инструментария западной политической теории (марксизм, парламентаризм, либерализм, утилитаризм и т. д.). Подобное отсутствие середины между полюсами русского, в истоке глубоко консервативного, революционного мессианизма и русского консерватизма, озабоченного идеей преобразования мира ненасильственным путем, хорошо видно по некоторым суждениям самих докладчиков. Так, в докладе И. В. Лихоманова о идеологии «евразийства» и современного «неоевразийства», консерватизм евразийцев характеризуется по сути как активистский тоталитаризм фашистского типа, основанный на политическом союзе разных церковных конфессий и государства, и отличающийся от ультраправых и правоконсервативных идеологий тем, что дает ответ на вопрос: почему разные народы *могут* и *должны* жить вместе в едином государстве? И, напротив, в докладе Т. Н. Седых «евразийство» определяется из контекста возрождения общинных идеалов «славянофилов», идей культурной общности и целостности духовных оснований евразийской = русской нации.

Характерно, что рефлексия описанной двойственности русского национального самосознания велась докладчиками в основном с позиции интеллектуальной сопричастности проблеме, т. е. с некоторой неполной дистанции, предполагающей отстраненную рефлексию и одновременно глубокую, но недейтельную вовлеченность в предмет обсуждения. Эта внутренняя невозможность занять определенную политическую позицию в реальном конфликте, обсуждавшаяся, например, А. Ю. Коробовым-Латынцевым на примере отношения русских философов к первой мировой войне, а Е. В. Холодовым в анализе учения о противлении злу силою И. А. Ильина, ясно характеризует интеллектуальную подоплеку позиции русского мыслителя как такового. Не случайно, большинство докладчиков, выступавших с докладами о русском национальном характере, так или иначе, опирались на соответствующие тезисы Н. А. Бердяева (В. А. Бойко, С. В. Кардинская, Е. К. Краснухина, М. Г. Назарова, А. А. Хахалова). Позиция персоналистической метафизики последнего предоставляет возможность для либеральной критики попыток русской интеллигенции воплотить свои политико-экономические идеи в жизнь. Бердяев, особенно в своих работах периода эмиграции, прямо постулирует разрыв между теоретической рефлексией архаических оснований духовного бытия русского

народа и реальностью, в которой постижение этого условия народной общности в итоге оказывается не мыслимо как акт коллективного духа. Русский народ еще не сформировался как «нация» в либерально-буржуазном смысле, даже в идеологических его определениях русскими интеллектуалами дореволюционной эпохи, и к нему не применимо «модерное» понятие нации, которое сам же Бердяев, изымая его из политико-правового контекста просвещенческой идеи революционной реализации «всеобщей воли» народа, после ужасов Великой французской революции перевоплотившейся в логиках борьбы за всеобщее избирательное право, опять же сводит к духовным основаниям национального самосознания. Подобная тавтология, не учитывающая различия между правовым и моральными аспектами идеи буржуазного национального государства, неизбежно представляет логику правового принципа (равенство в избирательных и иных правах) в качестве аппендикса к иллюзорной характеристике духовной общности нации в качестве морального единства. Эта общность — моральна, но только как общность, но не как реципиент отвлеченной от конкретных актов коллективного действия личностной и при этом универсальной морали, подобной кантовскому моральному императиву. В итоге на место инструментальных практик «дрессировки» правосознания у русских мыслителей становится идея самоосознания себя в духе, идея по сути религиозная, и литургия замещает буржуазное понятие социального института. В сущности, любое определение коллективной практики мыслится большинством русских интеллектуалов середины XIX — первой половины XX вв. на этот лад — религиозно и профетически, от славянофилов и народников до богостроителей и анархистов. Характер типологически сходных деформаций на уровне гегелевской идеи самосознания в концепции «саморазумения» и ее коллективистских импликаций теоретика народничества и анархизма П. А. Бакунина был прекрасно представлен в докладе И. И. Тимофеева, а специфика русского консервативного либерализма конца XIX в., озадаченного этой институциональной проблемой, — в докладе В. А. Куприянова. Современной инструментализации понятий культурной, религиозной, национальной идентичности во многом были посвящены доклады В. Н. Лукина и Т. В. Мусиенко, в которых современное социолого-политологическое понятие «стратегической культуры» рассматривается как имя для методологического прояснения и дифференциации данных концептов применительно к различным этносам, государствам и социальным стратам в целях адекватного реальности планирования государственной политики.

Христианский и футурологический подтекст идеи реактивации духовных основ народности в качестве условий достижения

принципиальных и подлинных целей всего человечества был явственно представлен в докладах, посвященных идее «космического хозяйства» Н. Федорова и ее рецепции в русской мысли (О. А. Смирнова, О. Д. Маслобоева). Нужно отметить, что на различных заседаниях конференций в секциях и пленарных докладах прозвучало более десятка выступлений на тему космизма Н. Федорова. Подлинный пафос этой идеи, выражающий суть ее актуальности, конечно, сформулирован самим Федоровым: кантовская критика разума = западная мысль «не замечает, что *общее свойство всех категорий знания есть смертность, а общее свойство всех категорий действия — бессмертие* (или путь к нему). Вот почему разум получает значение не субъективное и не объективное, а проективное; и в этой своей проективной способности объединяются теоретический разум и практический»². Единственный рецепт обратить вспять законы природы и соединить, наконец, человеческие мысль и действие, — исполнить цель и решить задачу такого объединения помысла и поступка, т. е. вернуть в действительность этого мира, снова актуализировав их витальную = духовную мощь, все атомы живого бытия, т. е. возродить к жизни предков, в индивидуальных актах отклика на любовь тех, кто эту жизнь даровал своим потомкам. Чтобы достигнуть ясного сознания своей правоты и подлинного участия в коллективной жизни, избыть всю вину перед миром, человеком «должна быть умерщвлена, наконец, сама смерть — самое крайнее выражение нужды, невежества и слепоты»³. Пожалуй, к такому ответу на вопрос о существовании устремлений человечества и к такой постановке его задачи никакой комментарий невозможен, но тем не менее в этой задаче и в этом ответе с очевидностью заключен пафос русского модерна и русского логоса.

² Федоров Н. Ф. Сочинения. М.: Мысль, 1982. С. 544.

³ Там же. С. 332.

Ноговицин Олег Николаевич, кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.

Nogovitsin Oleg N., PhD in Philosophy, Associate Professor, Senior Researcher, Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation.
E-mail: onogov@yandex.ru